

Таким образом, если подвести общий итог, в государстве Мари в конце XIX — первой половине XVIII в. до н. э. существовали царские, храмовые и отдельно хозяйства внутри территориальных общин. Царский земельный фонд распределялся между различными категориями царских людей. В социальном отношении все общество, включая и персонал царского хозяйства, делилось на свободных (*awīlū*), *muškēnū* и рабов (*rēš wardī*).

AGRARIAN RELATIONS IN MARI

by R. A. Gribov

At the end of the nineteenth century and in the first half of the eighteenth the state of Mari had three types of economic unit, the royal, the temple, and the individual economies within the territorial communities. The royal land was distributed among various categories of king's people. Socially the whole society was divided into free (*awīlū*), *muškēnū* and slaves (*rēš wardī*).

А. И. Доватур

ФЕОГНИД МЕГАРСКИЙ

ПРОТИВОРЕЧИЯ и неясности в античных свидетельствах о Феогниде Мегарском и связанные с этим неменьшие противоречия в выводах ученых нового времени о месте рождения поэта, о времени и обстоятельствах его жизни обязывают всякого исследователя либо обосновать свою оригинальную точку зрения на эти вопросы, либо выдвинуть какие-нибудь новые весомые аргументы в пользу одной из существующих точек зрения, либо просто присоединиться к одному из существующих мнений.

Настоящая работа имеет дело с поэтом Феогнидом, гражданином Мегар Нисейских (а не Гиблейских)¹, родившимся (а не процветавшим)² в 59-ю олимпиаду 544—541 гг., современником персидского нашествия

¹ Основанное на свидетельстве Платона (Leges, I, 630 A) мнение о том, что Феогнид был гражданином и уроженцем Мегар Гиблейских (а не Нисейских), обосновывает Белох и поддерживает Эрнст Мейер. См. Jul. Beloch, Theognis Vaterstadt, «Jahrbücher für classische Philologie» (Fleckeisen), XXXIV, 1888, стр. 729 сл.; он же, Zur Geschichte der älteren griechischen Lyrik, Rheinisches Museum, N. F. 50, 1895, стр. 250 сл.; он же, Griechische Geschichte, I, 2², Strassburg, 1913, стр. 365 сл.; Ernst Meyer, RE, s. v. Megara, 2, XV, 1932, стб. 185. Большая часть исследователей считает Феогнида гражданином и уроженцем Мегар Нисейских. См., например, R. Reitzenstein, Epigramm und Skolion, Giessen, 1893, стр. 58 сл., 84, 270 сл.; A. et M. Croiset, Histoire de la littérature grecque, II², P., 1898, стр. 142; E. Harrison, Studies in Theognis together with a Text of the Poems, Cambr., 1902, стр. 268 сл.; T. Hudson Williams, Theognis and his Poems, JHS, XXIII, 1903, стр. 2 сл.; O. Crusius, RE, s. v. Elegie, Hbbd. X, 1905, стб. 2272; E. L. Highbarger, History and Civilization of ancient Megara, Baltimore, 1927, стр. 141 сл.; W. Schmid und O. Stählin, Geschichte der griechischen Literatur, I, Münch., 1959, стр. 380. Понимают свидетельство Платона в том смысле, что поэт, уроженец Мегар Нисейских, получил права гражданства в Мегарах Гиблейских, например, C. F. Schömann, Schediasma de Theognide, Gryphiswaldiae, 1861, стр. 14; W. A. Lu, RE, s. v. Theognis 1, 2. Reihe, V, 1934, стб. 1972 сл. Была сделана неудачная, ни с чьей стороны не встретившая поддержки попытка доказать, что Феогнид был уроженцем города Мегар в области этиков, первоначально относившейся к Фессалии, впоследствии — к Эпиру (об этом городе упоминает, наряду с другими городами, носившими это название, Стефан Византийский, s. v. G. F. Unger, Die Heimat des Theognides, «Philologus», XLV, 1886, стр. 18 сл.).

² См. Suid. s. v. Θεόγνης γεγονώς ἐν τῇ νθ' Ὀλομπιάδι. Слово γεγονώς предлагает понимать в смысле «родившийся» — Alu, ук. соч., стб. 1973. Смысл «был», «процветал», «славился» вкладывают в это слово, например, E. Hiller, Zu Theognis, «Jahrbücher für classische Philologie» (Fleckeisen), XXVII, 1881, стр. 456; J. Carrière, Théognis, Poèmes élégiaques, P., 1948, Introduction, стр. 5. Ср. также следующее примечание.

на Грецию (а не похода Гарпага на Ионию)³, с единой личностью (а не с двумя)⁴, занимавшимся размышлениями на социально-политические и тесно связанные с ними этические темы, пытавшимся играть активную политическую роль, испытавшим конфискацию имущества и изгнание, затем, по-видимому, вернувшимся на родину и близко к концу жизни подведшим свои безрадостные итоги с констатированием полного краха своих чаяний.

Что касается сборника стихов, сохранившегося под именем Феогнида, то ничто не мешает считать подлинной не только первую, но и вторую книгу⁵, несмотря на то, что ее дает нам только одна рукопись. Некоторые особенности первой книги — наличие в ней противоречивых высказываний, дублетов, чужих стихотворений — внушили ряду исследователей мысль о невозможности приписать эту книгу в ее настоящем виде одному поэту. Противоречивые мысли встретятся, вероятно, у любого поэта. Английские филологи сделали любопытные наблюдения над стихами феогнидовского сборника, заимствованными у других поэтов, и над дублетами самого Феогнида⁶. В сборнике нередки случаи легкого изменения

³ Современником Кира (похода Гарпага на Ионию) считают Феогнида, например, F. Saue r, *Parteien und Politiker in Megara und Athen*, Stuttg., 1890, стр. 31 сл.; H u d s o n W i l l i a m s, ук. соч., стр. 6 сл.; H i g h b a r g e r, ук. соч., стр. 141; W. K l i n g e r, *A quelle époque Théognis a-t-il vécu*, «Bulletin International de l'Académie Polonaise de Cracovie, Classe de philologie, histoire, philosophie», 1931, стр. 109 сл. Современником Ксеркса считают поэта, например, R e i t z e n s t e i n, ук. соч., стр. 58 сл., 84, 273 (показаниям Свида и Евсевия он не придает никакого значения); C r o i s e t, ук. соч., II², стр. 141; H a r r i s o n, ук. соч., стр. 281; A l y, ук. соч., стб. 1973; S c h m i d t — S t ä h l i n, ук. соч., I, 1, стр. 381; U. v. W i l a m o w i t z - M o e l l e n d o r f f, *Sappho und Semonides*, B., 1913, стр. 173, прим. 1.

⁴ О двух мегарских поэтах, произведения которых будто бы соединены в сборнике; см. F. J a s o b u, *Theognis*, «Sitzungsber. Preuss. Akad. d. Wiss.», Jahrg. 1931, *Philosoph.-hist. Kl.*, стр. 90 сл.; склоняется к этой мысли и W. J a e g e r, *Paideia I⁴*, B., 1959, стр. 259. Доказывает наличие в сборнике смысловых связей: Fr. D o r n s e i f f, *Echtheitsfragen antik-griechischer Literatur*, B., 1939, стр. 21 сл.

⁵ О тесной связи между обеими книгами см. H. F r e s e, *Quae ratio intercedat inter librum Theognideorum priorem et posteriorem*. Diss., Kiliae, 1895, стр. 1 сл.; C r o i s e t, ук. соч., стр. 139 сл.; T. W. A l l e n, *Theognis*, «Classical Review», XIX, 1905, стр. 393 сл.; A l y, ук. соч., стб. 1972, 1979 сл.; D o r n s e i f f, ук. соч., стр. 22. Впрочем, нет недостатка и в голосах, отрицающих близкую связь между обеими книгами, — например, A. C o u a t, *Le second livre d'épigrammes attribuées à Théognis*, «Annales de la Faculté des Lettres de Bordeaux», V, 1883, стр. 257 сл.; H u d s o n W i l l i a m s, ук. соч., стр. 72; J a e g e r, ук. соч., стр. 253.

⁶ См. H a r r i s o n, ук. соч., стр. 190 сл.; E. H i g h b a r g e r, *Literary imitation in the Theognidea*, *AJPh*, L, 1929, стр. 341 сл. — Idem. *Repeated verses in classical poetry with particular reference to the Theognidea*, «Philological Quarterly», X, 1931, стр. 329 сл.; T. W. A l l e n, *Theognis*, «Proceedings of the British Academy», XX, 1934, стр. 75 сл.; D. J o u n g, *Borrowing and self-adaptations in Theognis*, *Miscellanea critica*, I, hrsg. v. d. Mitgliedern d. Redaktion d. Bibliotheca Teubneriana — J. I r m s c h e r, Br. D o e r, U. P e t e r s, R. M ü l l e r, Lpz., 1964, стр. 307 сл. О дублетах и заимствованиях см. также R. K u e l l e n b e r g, *De imitatione Theognidea*, Diss., Argentorati, 1877, стр. 49 сл.; H. S c h n e i d e w i n, *De syllogis Theognideis*, Diss., Argentorati, 1878, стр. 10 сл.; F. S a u e r, *Studien zu Theognis*, «Philologus», XLIX, 1890, стр. 662 сл.; L, 1891, стр. 529 сл.; J. L u c a s, *Studia Theognidea*, Diss., Berolini, 1893, стр. 23 сл.; J. H e i n e m a n n, *Theognidea*, «Hermes», XXXIV, 1899, стр. 590 сл.; U. v. W i l a m o w i t z - M o e l l e n d o r f f, *Die Textgeschichte der griechischen Lyriker*, «Abhandl. d. Gesellschaft d. Wiss. zu Göttingen, Philosoph.-hist. Kl.», N. F., Bd. IV, № 3, 1900, стр. 158; H u d s o n W i l l i a m s, ук. соч., стр. 12 сл.; A l y, ук. соч., стб. 1977 сл.; J. K r o l l, *Theognis — Interpretationen*, «Philologus», Supplbd. XXI, H. 1, Lpz., 1936, стр. 283; C. M. B o w r a, *Early greek Elegists*, *Martin classical Lectures*, VII, Camb. — Mass., 1938, стр. 140 сл.; D o r n s e i f f, ук. соч., стр. 26 сл. Отметим еще: P. F r i e d l ä n d e r, «Ἰσοθῆκα», «Hermes», 48, 1913, стр. 588 сл. (о ст. 153—154, представляющих собой сознательное заимствование из Солона с переделкой) и H. F r i s c h, *Might and Right in Antiquity I*, København, 1949, стр. 222 сл. (на стр. 255 сл. автор излагает свой взгляд на состав

в тексте чужих стихов, придающего этим стихам новый смысл, отличный от смысла оригинала; бывают такие случаи и в дублетах стихов самого Феогнида. Отсюда заключение о сознательном изменении чужого достояния, создании вариантов к чужим стихам. Поэтому и чужие стихи, дословно цитируемые в феогнидовском сборнике, могут рассматриваться как материал для предполагавшихся вариантов поэта на ту же тему. По всем этим причинам трудно признать всю первую книгу чем-то пригодным для опубликования. Наряду с частями, имеющими вполне законченный вид, в ней есть немало сырого материала, не вяжущегося с представлением о сборнике, предназначенном для выхода в свет⁷. Предположение о записной книжке поэта, в которую попадают, кроме особо ценимых им и получивших окончательную обработку произведений (не обязательно новых), также разного рода заготовки, является остроумным выходом из положения⁸. Никто не станет отрицать закономерности такой гипотезы, несмотря на вызываемые ею сомнения и трудно разрешимые вопросы. Главный из них — каким образом и почему такая записная книжка стала для нас, да уже и для греков IV в. до н. э.⁹ основным источником для ознакомления с творчеством мегарского поэта, почему она вытеснила из обращения те свитки его произведений, о существовании которых дают право думать его собственные слова о том, что он знаменит среди всех людей (т. е. греков) (23)?

Эта гипотеза все же обладает одним неоспоримым достоинством: она объясняет нам, как мог возникнуть подобный сборник как единое целое, отнюдь не отражающий хронологическую последовательность создания стихотворений, но в то же время не представляющий собой хаотическое, везде лишнее связующих элементов собрание (вспомним частично опровергающую себя, хотя и не объясняющую сборника в целом, гипотезу ударных слов)¹⁰. Кроме того, для нас важна возможность сохранения за поэтом права на авторство всего сборника. В дальнейшем мы будем исходить из мысли о едином авторе и составителе сборника в соответствии с мнением не только сторонников гипотезы «записной книжки», но и дру-

феогнидовского сборника: последний представляет собой соединение трех сборников песен; каждый из этих трех сборников составлен самим Феогнидом, который сознательно помещал рядом со своими стихотворениями и чужие).

⁷ О существовавших до 1934 г. теориях по поводу состава сборника см. А I у, ук. соч., стб. 1974 слл.

⁸ См. У о и н г, ук. соч. Принятие этого вывода английского ученого не означает согласия с другими его положениями, высказанными им на стр. 366—369, 372, 373, 375, 377, 378. К предположению этого автора присоединяются те ученые, которые не видят в сборнике признаков единства, единого плана, направляющей линии, как, например, В. А. V a n G r o n i n g e n, La composition littéraire archaïque grecque, «Verhandelingen d. Nederlandse Akad. v. Wetenschappen, Afd. Letterkunde», N. R. D.LXV, № 2, Amsterdam, 1958, стр. 151 слл.

⁹ См. W i l a m o w i t z - M o e l l e n d o r f f, Textgeschichte..., стр. 58 сл. (книга представляет собой *ὁπρωμήματα* какого-то афинянина); А I у, ук. соч., стб. 1974, 1980 слл.— J a e g e r, ук. соч., стр. 252. О значительном отличии книги Феогнида, имевшейся в IV в., от нашего феогнидовского сборника думают S c h m i d — S t ä h l i n, ук. соч., I, 1, стр. 376.

¹⁰ Первым, кто обратил внимание на ударные, связывающие отдельные стихотворения, слова и выражения, был Велькер (Fr. Th. W e l s k e r, Theognidis reliquiae, Francofurti ad Moenum, 1826, Prolegomena, стр. CV слл., приписавший расположение стихов не самому поэту, а некоему «полузнайке» (sciolus). В дальнейшем теорию развил Ф. Ницше (Fr. N i e t s c h e, Zur Geschichte der Theognideischen Spruchsammlung, N. F. XXII, 1867, стр. 161 слл.). Против теории Ницше высказывался ряд филологов, например, Th. F r i t z s c h e, Das Stichwort als Ordnungsprinzip der theognideischen Fragmente, «Philologus», XXIX, 1870, стр. 526 слл.; H u d s o n W i l l i a m s, ук. соч., стр. 12 слл. См. также Carolus M ü l l e r, De scriptis Theognidis, Diss. (Jena), Coronae Germanorum, 1877, стр. 11 слл.; С о u a t, ук. соч., стр. 288 сл.; D o r n s e i f f, ук. соч., стр. 7 слл.

гих ученых, придерживающихся унитарной точки зрения¹¹. Всякое новое рассмотрение поэтического наследия Феогнида, столь часто бывшего предметом изучения филологами и историками, может быть оправдано только в том случае, если автор новой работы сумеет посмотреть на феогнидовский материал под новым углом или, по крайней мере, если ему удастся произвести некоторое смещение обычных точек зрения. На это второе, минимальное, оправдание и претендует настоящая статья.

Исследование стихов Феогнида, предлагаемое в данной работе, подчинено двум принципам.

1. Поэтический текст (напомним об этой общепризнанной истине) не является документом в собственном смысле. Отражение современных автору событий и явлений общественной и частной жизни в поэзии всегда имеет сильную субъективную окраску. Поэт чаще всего дает нам не факт сам по себе, а свое отношение к факту, иногда в соединении со своеобразно освещенным фактом. Еще в большей степени, чем мемуарист, он подает события и явления, исходя из своих собственных социальных, политических, вообще идеологических, а порой и глубоко личных позиций. Идя на поводу у поэта, мы нередко рискуем получить либо неправильную ориентировку, либо искаженное представление о масштабах событий и явлений. При примерном восстановлении общей социальной и политической ситуации времен Феогнида следует не терять из виду тот резко субъективный колорит, какой получает в его стихах современная ему действительность.

2. Неизменность позиций поэта, полная глухота его к изменениям, происходившим на его глазах и до него, не должна считаться аксиомой. Поэт, отнюдь не бывший абстрактным мыслителем, создававший свою философию (если этот термин вообще применим к Феогниду) на основе переданной от предков морали с добавлением переработки впечатлений, непосредственно получаемых от жизни, не мог быть абсолютно нечувствительным к окружавшей его действительности. Следы колебаний, неуверенности, смены настроений, даже если не коренных, то довольно существенных изменений взгляда на вещи не должны приводить нас в недоумение. Несовместимые один с другим взгляды не могли быть высказаны поэтом одновременно, но во временной последовательности — будь то в порядке неустойчивости настроения или вследствие более глубоких причин — такая несогласованность между его высказываниями не должна считаться исключенной. Следует а priori допустить возможность у Феогнида колебаний, возражений самому себе, даже частичного отхода от некоторых взглядов, свидетельствующего об эволюции поэта¹².

Воззрения Феогнида характеризуются в первую очередь традиционализмом. Сам он заявляет о том, что передает Кирну те правила, какие были получены им самим в юности от «добрых» старшего поколения (27—28).

Стихотворение, в котором находятся эти слова, раскрывает нам сущность социальных воззрений поэта. Традиционные воззрения представляются ему вполне ясными, незыблемыми, не вызывающими сомнений. Хранителями их являются «добрые» — ἀγαθοί. У них следует учиться молодому человеку. Обучение происходит в процессе непрерывного общения: следует держаться «добрых», «честных» (ἐσθλοί), с ними пить, есть, проводить время, им угождать. Последнее выражено словами: καὶ ἄνδαν τοῖς ὄν μεγάλῃ δύναις (34). Такая формулировка могла бы по-

¹¹ См. D o g n s e i f f, ук. соч., конец прим. 4 и F r i s c h, ук. соч., конец прим. 6.

¹² Яркие страницы Феогниду как личности посвятил Ch. C u s e l, *Théognis de Mégare et ses élégies*, «Annales de la Faculté des Lettres de Bordeaux», XI, 1889, стр. 219 слл.

дать повод к недоразумению: Феогнид будто бы советует угождать тем, в чьих руках в данный момент находится власть, причем ст. 34 будто бы вступает в конфликт со стихами 31—32 и 35—36. Между тем, весь контекст восстает против такой интерпретации. Эти люди, имеющие *μεγάλη δόξα*, тождественны с теми *ἀγαθοί*, о которых только что была речь в стихотворении¹³. К толкованию слов Феогнида можно привлечь место из стихотворений Солона — *οἱ δ' εἶχον δόξαν καὶ χρήμασιν ἦσαν ἀγῆστοι* (Solo, № 5, 3). У обоих поэтов имеются в виду люди высшего социального слоя; у обоих нельзя допустить возможность включения в число «имеющих могущество» тех, кого поэты именовали *κακοί*. *Mutatis mutandis* мы могли бы обозначить их как *les grands seigneurs*. Именно они, наследственные представители верхов населения, являлись теми *ἀγαθοί*, *ἑσθλοί*, которые были способны научить юношу не заниматься «безобразными и несправедливыми делами» и не приобретать таким путем почести, репутацию, доблести и богатство. Перед нами одно из тех стихотворений, где с полной определенностью доброе и дурное разграничиваются по социальному признаку. «Добрые» — это великие мира, «дурные» — те, кто к ним не принадлежит.

В разбираемом стихотворении есть еще одна сторона, открывающая известную перспективу в смысле понимания других стихотворений Феогнида. Поэт повторно предостерегает знатного юношу против общения с *κακοί*: *κακοῖσι δὲ μὴ προσομίλει ἀνδράσιν* (31—32); *ἦν δὲ κακοῖσι συμμίσγης* (35—36). Если так, то опасность близкого соприкосновения с неприятной поэту общественной средой была для юного аристократа вполне реальной. Хотя в одном двустишии (233—234) звучит предостережение — не увлекаться ролью вождя народных масс, но в разбираемом стихотворении и в ряде других речь идет о *κακοί* совсем другого рода. Пить, есть, проводить время знатный юноша мог с теми из *κακοί*, чей образ жизни в большей или меньшей степени приближался к образу жизни знати. В эпоху безраздельного господства знати не было надобности заботиться об искусственной преграде между молодым поколением знати и людьми из социальных низов: такая преграда существовала сама по себе в силу социального неравенства и известного уклада жизни тех и других. Иную социальную обстановку предполагает наше стихотворение. Часть *κακοί*, уже сравнившаяся в правах с *ἀγαθοί*, занимает в жизни положение, делающее привлекательным сближение с ними для молодых людей из старинной знати. Непримиимые представители старшего поколения аристократии боятся возможности такого сближения, грозящего молодым людям «потерей имеющегося у них ума» — *ἀπολεῖς καὶ τὸν ἐνόντα νόον* (36), т. е. отходом от традиционных идеалов. О той же вполне реальной опасности сближения или даже дружбы с «дурными» говорится и в ряде других мест (69—72, 101—104, 113—114, 1169—1170, 1377—1380). В представлении поэта (и его единомышленников) основными социальными слоями в Мегарах его времени являются знатные и незнатные. У них разный образ мыслей, разные идеалы. Они разобщены между собой; поэт дает альтернативу: общаться можно либо с одними, либо с другими.

В какой степени эта картина соответствовала реальному положению? Знатному юноше рекомендуется водить компанию только с «добрыми». За этим скрывается опасение, что его товарищами окажутся «дурные». Даже если допустить, что поэт только предостерегает «не делай того-то,

¹³ Якоби считает стих интерполированным — J a s o b y, ук. соч., стр. 130 сл.; Кауер (C a u e r, Parteien..., стр. 34) думает, что все стихотворение написано до утраты знатью своего политического значения, т. е. в ту пору, когда между *ἀγαθοί* и *οἱ δόξα* стоял знак равенства (в ином смысле, чем это предполагается в настоящей статье).

чего ты и до сих пор не делал», а не отговаривает «перестань делать то, что ты делаешь», то в таком случае придется признать, что в жизни расстояние между двумя социальными слоями не было столь большим, как того хотелось бы поэту.

Выводы, которые оказалось возможным сделать на основании анализа одного стихотворения, получают подкрепление со стороны других стихотворений и, в свою очередь, позволяют представить в истинном (с нашей точки зрения) свете некоторые высказывания поэта, звучащие при первом знакомстве как изложение прописных истин, годных для преподавания юношеству во все времена и при всех обстоятельствах.

Начнем с наставлений не общаться с «дурными», «подлыми». Существующие грани между «добрыми» и «дурными» — одна из основ социального мышления Феогида. Этими двумя понятиями он оперировал всю жизнь. Мы не будем этому удивляться, если вспомним, что даже Солон, введший деление граждан на так называемые классы на основе имущественного ценза и тем самым отменивший старое деление на ἀγαθοί и κακοί (=эвпатриды и прочие граждане), даже после своих реформ пользуется старой социальной терминологией. Мы найдем у него заявление, что он установил одинаковые законы и правый суд для κακοί и ἀγαθοί (№ 24, 18—20) и что раздел земли с целью уравнивать земельные владения тех и других не входил в его планы (№ 23, 20—21).

Одно из своих наиболее ярких по откровенности высказываемых взглядов произведений Феогид начинает так: «Мы ищем породистых баранов, ослов и коней; всякий хочет, чтобы они происходили от добрых (ἐξ ἀγαθῶν). Но честный (ἔσθλός) муж не колеблясь берет в жены дурную, дочь дурного (κακὴν κακοῦ), если тот дает ему много денег, и женщина не отказывается быть женой богатого дурного (κακοῦ) мужа и предпочитает состоятельного доброму» (183—188, ср. 1112). Поэт стоит на биологической точке зрения, признавая наследственную передачу высоких качеств у людей путем искусственного подбора, как это происходит у домашних животных. Слово ἀγαθός оказывается одинаково применимым к животным и к людям. Тождество знатного происхождения и обладания выдающимися свойствами не подлежит для поэта никакому сомнению. До какого-то времени — так бесспорно думает Феогид — ничто не нарушало передачу благородных качеств из поколения в поколение. Иначе было бы непонятно существование двух категорий людей — добрых и дурных. Чистота рода поддерживалась до тех пор, пока не появился новый фактор, вызвавший нарушение установившейся традиции. Начались и вошли в быт браки между представителями двух слоев гражданства. Разрушительным фактором было богатство в руках κακοί. Феогид продолжает: «Они ведь почитают деньги, и честный берет в жены дочь дурного, а дурной — дочь доброго; богатство перемешало род» (189—190). Происходит, таким образом, сближение людей родовитых с неродовитыми богачами, нарушается чистота рода. Поэтому Кирн не должен удивляться ухудшению породы граждан: ведь честное перемешивается с дурным (191—192). Ухудшение породы обозначается словом μαυροῦσθαι. Этот глагол и родственные ему прилагательные (μαῦρος, ἀμαυρός с α еупhoneicum) и существительное ἀμαυρία означают потускнение, потемнение и т. п. По отношению к людям прилагательное означает «незаметный», «незначительный». Андромаха в одноименной трагедии Эврипида задает вопрос о себе: αὐτὴ τ' ἀμαυρὰ καὶ τύραννος ἢ Φρυγῶν (204) «а я сама была разве незаметной, а не властительницей фригийцев?». Гесиод в «Трудах и днях», предостерегая брата против ложной клятвы, пугает его тем, что такая клятва отразится на потомстве — оно будет ἀμαυροτέρη γενεή (284), незначительным, ничтожным. У Эврипида дело идет о социальном ранге,

у Гесиода скорее об утрате каких-то ценных нравственных и физических качеств. Феогнид, во всяком случае, имеет в виду ухудшение породы граждан, которое делает их неполноценными не в смысле утраты гражданских прав (они по-прежнему *ἄστοι*), а в смысле нравственного оскудения.

Следующие четыре стиха можно толковать и как продолжение предыдущего стихотворения и как самостоятельное четверостишие. Здесь точнее определяется причина смешанных браков: «Гражданин, зная, что такая-то происходит от дурного отца, приводит ее к себе в дом, повинувшись деньгам, — он, обладающий доброй славой, ее, имеющую дурную славу *εὐδοξος κακόδοξον*, так как его к тому побуждает сильная нужда, приводящая в жалкое состояние ум мужа» (193—196). Следовательно, обедневшие и беднеющие аристократы не чуждаются брачных связей с разбогатевшими выходцами из народа. Вчитаемся в стихи Феогнида. Нежелательный, с точки зрения поэта, процесс сближения зашел далеко. Результаты смешанных браков уже дают себя знать: Кирн не должен удивляться тому, что он видит. Гибельное, по мысли поэта, смешение началось уже раньше и продолжается на глазах Феогнида и его современников.

Могли ли представители аристократических родов, нарушившие и нарушавшие старую традицию при заключении браков, смотреть на социальную действительность своего времени так же, как смотрел непримиримый поэт? Самый их образ действий показывает, что старые нормы не были для них обязательными; вслед за действиями, шедшими вразрез со старой идеологией, должны были измениться и взгляды. Фактически во главу угла ставится сейчас не происхождение, а деньги, богатство. На протяжении четырнадцати стихов поэт семь раз упоминает о деньгах (*χρήματα* — 186, 189, 194), богатстве (*πλοῦτος* — 190, *πλούσιος* — 188, *ἄφρονος* — 188), нужде (*ἐνάγκη* — 198). Материальная обеспеченность оказывается тем критерием, которым руководствуются при заключении браков люди, являющиеся для Феогнида своими.

Отсюда следует, что в современных Феогниду Мегарах (будем говорить только о них) каждая из двух групп — как *ἀγαθοί*, так и *κακοί*, во всяком случае к зрелым годам поэта (а скорее всего, до этого) — раскололась, грубо говоря, надвое. С одной стороны, из общего числа *κακοί* выдвинулись богатые, *πλούσιοι*, тогда как остальная масса (при всей ее дифференцированности в смысле занятий и материального благосостояния) в общем оставалась на прежнем положении. Богатые сблизились с *ἀγαθοί* посредством браков, и, надо думать, бытовое сближение оказало влияние и на их идеологию. Среди *ἀγαθοί* одни начали сливаться с богачами незнатного происхождения, другие (и среди них Феогнид) продолжали считать себя особым сословием, обладателями наследственных высочайших качеств, пользуясь старой социальной терминологией, клеймя словом *κακός* всякого, кто не принадлежал к наследственной аристократии.

Вправе ли мы после этого говорить об ожесточенной борьбе между *ἀγαθοί* вообще и *κακοί* вообще в Мегарах во времена Феогнида? Дают ли стихи поэта в полной мере адекватную социальной действительности картину мегарского общества?

В Аттике некогда существовало разделение на эвпатридов, геоморов и демиургов. В последний раз мы слышим о них в связи с попыткой Дамасия утвердиться во власти. Став архонтом на 582 год до н. э., он сумел удержаться в этой должности в течение двух лет и двух месяцев. После его свержения афиняне избрали десять архонтов: пятерых из эвпатридов, троих из агроиков (= геоморы), двоих из демиургов (Arist. Athen. Pol. 13,2). В дальнейшем деление на три сословия лишилось официального значения. Между тем, когда в последний период существования афин-

ской тирании, незадолго до 510 г.¹⁴, Алкмеониды и представители других знатных родов потерпели неудачу в своих начинаниях против тиранов, о них пели в сколии как об эвпатридах, сынах добрых отцов (Arist., Athen. Pol. 19,3). В конце VI столетия отмененная старая официальная терминология продолжала бытовать в определенных кругах. Это вполне естественное и легко объяснимое обстоятельство не дает нам никакого основания считать главным критерием социального деления афинских граждан еще в конце VI в. (и далее) происхождение от знатных и незнатных отцов.

Феогнид видит мегарское общество в своеобразном ракурсе. Он верит в реальность тех граней, которые в значительной степени утратили свое значение и, во всяком случае, переставали, если не перестали, быть главными. Он ратует за незыблемость перегородок, давно распатанных, а на многих участках и опрокинутых¹⁵.

Многочисленны те стихи, где поэт говорит о прирожденных достоинствах «добрых» и о пороках «дурных». Суждения Феогнида категоричны, в них нет следов колебаний или сомнения (о некотором отходе от первоначальных мнений, наметившемся, вероятно, в конце жизни поэта, речь будет ниже). Свою уверенность он несомненно почерпнул из традиции, наследником которой он себя считает. В соответствии с традиционными воззрениями он рисует следующую социальную картину: на одной стороне ее только свет, на другой — только тень.

Резкое, ничем не прикрытое противопоставление нравственных качеств «добрых», «честных» и «дурных», «подлых» находим в ряде стихов Феогнида. Добрые не погубили ни одного государства, дурные же проявляют наглость, портят народ, отдают суд в руки несправедливых, руководствуясь корыстолюбием и честолюбием (43—46). Добрые способны чувствовать признательность; ждать от дурных благодарности — все равно что надеяться собрать жатву от семян, брошенных в море (105—112; ср. 853—854 = 1038a — 1038b, 955—956). Дурному чуждо понимание справедливости, он не боится никакого возмездия; поступая дурно, он думает, что все делает прекрасно (279—282). Лучшее сокровище, какое Кири оставит своим детям — *αἰδῶ* (уважение), сопутствующее добрым мужам (409—410)¹⁶. Нет людей счастливых во всех отношениях, но честный, испытывая беды, сохраняет самообладание (*τοῦρᾶ*) и не выставляет напоказ свое состояние, тогда как подлый не умеет скрывать свои чувства, ни благоденствуя, ни бедствуя (441—446 = 116 2a — 116 2b; ср. 319—322, 393—398, 657—658, 1029—1036). Дурные злоречивы, они не желают молчать; добрые умеют во всем соблюдать меру (611—614). Добрых один порицает, другой хвалит, а о дурных и речи нет (797—798; ср. 793—796). Ум подлых становится еще более вздорным из-за их порочности; поступки добрых всегда лучше приводят к цели (1025—1026)¹⁷. Доброго мужа очень трудно ввести в заблуждение (1037—1038). У добрых честны и ответы, и дела; подлые же слова дурных разносят ветры (1167—1168). Таковы стихи Феогнида, содержащие прямое или легко подразумеваемое противопоставление тех двух социальных слоев граждан, на которые, как он думает, распадается общество на его родине и, вероятно, в греческих полисах вообще.

¹⁴ В 513 / 2 г. — см. G. G l o t z, Histoire grecque, I, P., 1925, стр. 464.

¹⁵ Непонятным образом Раморино делал на основании стихов Феогнида вывод о кратковременном торжестве демократии в Мегарах — см. F. R a m o r i n o, Teognide di Megara, «Rivista di filologia ed istruzione classica», IV, 1876, стр. 240 сл.

¹⁶ См. B. A. V a n G r o n i n g e n, Théognis. Le premier livre édité avec un commentaire, «Verhandelingen d. K. Nederlandse Akad. var Wetenschappen, Afd. Letterkunde», N. R., Deel LXXII, № 1, ad loc., Amsterdam, 1966, стр. 114, 162.

¹⁷ V a n G r o n i n g e n, Théognis..., ad loc., стр. 383.

Феогнид, однако, не мог не замечать роли богатства в общественной жизни. Мы видели, как больно он реагировал на браки обедневших аристократов с разбогатевшими людьми из социальных низов (у нас нет причин думать, что это были богачи только в первом поколении). Богатству он ставит в вину многое. «Тебя, — говорит Феогнид, обращаясь к богатству (богу Плутосу), — недаром люди больше всего почитают, ведь ты легко миришься с порочностью» (523—524; ср. 1116—1117). Иметь богатство подобает добрым, а переносить бедность подходит дурному мужу (525—526). В феогнидовском сборнике мы находим четверостишие Солона (№ 4, 9—12), которое, видимо, произвело большое впечатление на мегарского поэта, «многие дурные богаты, многие добрые бедны, но мы не обменяем доблесть на богатство, так как она всегда надежна, а богатством владеет то один, то другой из людей» (315—318). Деньги божество дает даже очень дурному мужу, а доблесть сопутствует немногим (149—150; ср. 865—866). В общей форме, безотносительно к самому себе, поэт говорит о тяжком бремени бедности для доброго мужа (173—174). Повторно к стихам Солона (№ 5, 9—10) прибегает Феогнид, чтобы сказать, что пресыщение порождает наглость, когда богатство попадает в руки дурного человека, у которого ум не в порядке (153—154). На этот раз Феогнид вносит в текст Солона свои поправки. Во-первых, частицу *γάρ* в первом стихе он заменяет частицей *τοί* и придает этим двустихию самостоятельность (у Солона оно служит пояснением к предыдущим стихам). Во-вторых, Солон говорит: *ὅταν πολὺς ὄλβος ἐπῆται ἀνθρώποισιν ὅσοις μὴ νόος ἀριος ἦ*; Феогнид переделывает: *ὅταν κακῷ ὄλβος ἐπῆται ἀνθρώπῳ καὶ ὅτῳ μὴ νόος ἀριος ἦ* с явным акцентом на слове *κακῷ* — именно «дурной» наделяется у него умом, который не в порядке¹⁸. Большинство людей считает единственной доблестью быть богатым, а все остальное — разум, умение, красноречие, быстроту ног — бесполезным (699—718). Следует вырабатывать в себе доблесть, любить справедливость и не давать позорной корысти властвовать над собой (465—466; ср. 145—148, 865—868, 1059—1062).

В ряде перечисленных стихотворений можно уловить скорбную ноту не только по поводу общего положения дел, но, по-видимому, имеющую отношение к судьбе самого поэта. Есть, однако, стихи на тему о богатстве и бедности, непосредственно касающиеся судьбы самого Феогнида. Он был состоятельным человеком и перестал им быть. Об этом с полной ясностью свидетельствуют три стихотворения. В одном — жалоба поэта на то, что его цветущими полями владеют другие, о чем он вспоминает, услышав, пронзительный крик птицы, возвещающей начало вспашки (1197—1202). В другом — скорбь по поводу того, что не видно возмездия людям, которые насильно захватили его имущество и владеют им; поэт выражает желание напиться их черной крови (345—350). Большое стихотворение, к которому придется еще возвратиться, начинается словами: «Если бы я, Симонид, имел средства (*χρήματα*), как это было раньше, то я не испытывал бы огорчения, находясь среди добрых; теперь же все идет мимо меня, хотя я и разумен; из-за нужды я безгласен, все еще понимаю больше, чем многие другие» (667—670; ср. 177—178, 419—420; сюда, вероятно, и 815—816). Эти последние стихи, подтверждающие факт потери поэтом-аристократом своего (по-видимому, наследственного) состояния, интересны еще в одном отношении. Обедневший знатный человек внешне не утрачивает своего социального ранга: он общается с добрыми (которым в конце стихотворения — 681—682 — противопоставляются дурные). Но реально его положение меняется: сейчас он, находясь в своей родной стихии, испытывает горечь унижения, так как его не слушают; он

¹⁸ Van Groningen, *Théognis...*, ad loc., стр. 61.

вынужден хранить молчание, хотя сознает за собой способность высказывать разумные мнения понимающего положение человека.

Выше мы констатировали на основании некоторых стихов Феогнида сближение некоторой части аристократии с людьми, выдвинувшимися благодаря богатству. Теперь мы получаем еще одну черточку для картины социальных отношений в довольно значительном, хотя и начавшем клониться к упадку греческом приморском торговом полисе. Внутри аристократического общества богатство создает заметное неравенство. Обедневшим представителям знати, не поправившим свои материальные обстоятельства мезальянсами, приходится быть безгласными при обсуждении общественных вопросов или обмене мнениями по поводу таких вопросов в тех собраниях, куда не имели доступа дурные, т. е., конечно, не в присутственных местах, а скорее в кружках частного характера.

Вероятно, для таких собраний возникло стихотворение, интерпретацией которого нам предложили заняться:

λάξ ἐπιβα δῆμον κενόφρονι τόπτε δὲ κέντρον ὄξει καὶ ζεύγλην δούλοφρον ἀμφιτίθει οὐ γὰρ ἔθ' εὐρήσεις δῆμον φιλοδέσποτον ὦδε ἀνθρώπων, ἑπόσεος ἡέλιος καθορᾶ (847—850). Эти стихи отражают крайнюю степень озлобления поэта-аристократа против его социального антипода — демоса. Феогнид советует наступить ногой на «пустомысленный» народ¹⁹, бить его острым бодцом (κέντρον), накладывать на него тяжкое для шеи ярмо (ζεύγλην). Дальше — оправдание этого совета, обоснование его (γὰρ): «Ведь ты уже больше (οὐκέτι) не найдешь столь (ὦδε) преданного господину народа среди людей, на которых взирает солнце». Такой или приблизительно такой перевод, подсказываемый самой естественной интерпретацией стихов, обычно и дается²⁰. Слово φιλοδέσποτος обычно передается как «друг рабства» (ami de la servitude — Croiset), «любящий быть поработанным» (qui aime être asservi — Carrière), «жаждущий хозяина» (desiderosi di un padrone — Garzya), «любящий господина» (den Herrn liebt — Fränkel). Может возникнуть недоумение по поводу такого обозначения народа: если народ любит своего господина (или свое рабское состояние), то непонятно, почему поэт рекомендует такое бесчеловечное обращение с народом, преданность которого вне сомнения²¹. Не помогает разобраться в смысле четверостишия мнение, будто поэт хочет сказать: народ в такой степени отличается сервиллизмом, что допускает самое дурное обращение с собой²². Недоумение остается в силе²³.

¹⁹ Толкование слова δῆμος в смысле πῶλις, т. е. совокупность всех граждан (а не только plebs), предложенное для стихов Феогнида в статье — A. Forti Messina, Δῆμος in alcuni lirici, Ἀντιόφορος Н. Н. Раоли, Genova, 1956, стр. 237 слл., — может подойти, хотя и с некоторыми оговорками, для ст. 45 и 105, но решительно не подходит для ст. 233, 845, 849, 947 (о последнем см. Van Groningen, Théognis..., ad loc., стр. 360).

²⁰ Croiset, ук. соч., II², стр. 151; Théognis, Poèmes élégiaques (Carrière), P., 1948; Teognide, Elegie (Garzya), Firenze, 1955; H. Fränkel, Dichtung und Philosophie des frühen Griechentums, Münch., 1962, стр. 473.

²¹ Ван Гронинген (Van Groningen, Théognis..., ad loc., стр. 323) в своем комментарии исходит из молчаливой предпосылки, что народ уже любит своих господ.

²² E. Buchholz — R. Perlmüller, Anthologie aus den Lyrikern der Griechen, I, 6 изд., Lpz., 1911, ad loc., стр. 104.

²³ Здесь уместно отметить, что русские переводчики, скорее всего под влиянием этой кажущейся неувязки между первым и вторым двустишиями, не дают адекватного греческому подлиннику перевода второго двустишия. А. Пиотровский (Феогнид из Мегары. Элегия. Пер. и вступ. статья Адриана Пиотровского, Пг., 1922, стр. 35):

«Нет под всевидящим солнцем, нет в мире широком народа,
Чтоб добровольно терпел крепкие узы господ»

Смысл подлинника в такой передаче сильно искажен. Феогнид вовсе не говорит, что на свете нет народа, любящего власть господ; речь идет о другом — ты не найдешь народа, который бы так (ὦδε), как этот народ, любил бы господина, господ, их власть.

В слове φιλοδέσποτος вообще и в частности у Феогнида имеется один признак соединения понятия любви с объектом, способным скорее внушить противоположное чувство. Если в Греции давали рабу имя Φιλοδέσποτος, то в этом следует, разумеется, видеть действие принципа попен-омен, а не констатацию обычного или распространенного явления (ср. и ἀνδράποδον φιλοδέσποτον — Herod., IV, 142; Diod., XVIII, 66). Тот же признак не очень подходящего для любви объекта находится в прилагательном φιλήγιος (φιλέω + ἡγία), один раз встречающемся в греческой литературе и, по-видимому, образованном ad hoc. Эсхил в «Прометее» вкладывает в уста своему герою монолог, в котором тот перечисляет оказанные им человеческому роду благодеяния. Людей, прежде лишенных сознания и ведших жизнь, подобную жизни муравьев, он научил различать времена года путем наблюдения над светилами, дал им значение чисел, грамоту, память. Он впервые наложил ярмо на животных, чтобы тем самым облегчить людям их труд; он впряг в колесницы коней, изобрел корабль. В этом перечислении привлекают наше внимание слова, касающиеся приручения животных, и в частности коней. О животных сказано: καὶ ἔσθη πρῶτος ἐν ζῴῳτι κνύδαλα ζεύγλαισι δουλεύοντα etc. (462) «и я первый соединил под ярмом диких животных, рабски подчиняющихся хомутам». Эсхил дает понять, что дикие животные, ранее не знавшие ярма, были насильственно порабощены и стали служить человеку. Несомненно, этот момент принуждения присутствует и дальше, когда Прометей говорит о конях — ὅφ' ἔριματ' ἤγαγον φιληγίους ἵππους (465 сл.) «я подвел под колесницы любящих вожжи коней». Кони впервые впряжены в колесницы, они стали любителями вожжей — φιλήγιοι, после того как Прометей укротил их. Определение φιλήγιοι явно характеризует коней с той же стороны, с какой выше прежде дикие животные (κνύδαλα) характеризуются словами ζεύγλαισι δουλεύοντα. В первом случае звери рабски подчиняются хомуту, во втором кони любят свои вожжи не по природе, а в результате насилия, примененного к ним Прометеем, передавшим затем господство над ними людям.

Итак, кони названы φιλήγιοι потому, что они в своем порабощенном состоянии покорились вожжам, возлюбили вожжи. Вернемся с этим заключением к стихам Феогнида. Не может ли здесь прилагательное φιλοδέσποτος обозначать не исконное свойство мегарского народа, а состояние его после тех насильственных действий, какие, по мнению Феогнида, следует к нему применить? Иначе говоря: частица γάρ, возможно, обосновывает советы Феогнида не наличием благоприятствующих таким действиям обстоятельств (их именно нет), а результатом, который будет получен после реализации этих советов.

Другой переводчик В. В. Вересаев (Эллинские поэты в переводах В. В. Вересаева, М., 1963, стр. 315):

«Верно, народа с подобной любовью к тиранам ни разу
Не доводилось еще солнцу видать на земле»

Общий смысл двустишия искажен: у народа предполагается любовь к господину (тирану), чего нет в подлиннике; неуместно упоминание о тиране (кто когда называл тирана δεσπότης?); наконец, непонятно, к кому обращается поэт, как известно, одинаково неприязненно относившийся и к тиранни, и к демократии. Третий переводчик Вячеслав Иванов (В. И. И в а н о в, см. «Греческая литература в избранных переводах», сост. В. О. Нилсендер, М., 1939, стр. 94):

«Подобострастнее слуг не найти, клянусь, ни в едином
Из городов и племен, Гелнем зримых с небес»

Едва ли удачно сказано здесь о подобострастных слугах, а главное — остается неясным, является ли это «подобострастие» основанием для угнетения народа или следствием его.

Такое толкование вполне согласуется с постановкой сказуемого в будущем времени — εὐρήσεις. В поисках другого примера подобного употребления частицы γάρ обратимся к Геродоту. В новелле о любви Ксеркса к Артаинте персидский царь предлагает своей возлюбленной потребовать от него то, чего она желает — ἐκέλευσε αὐτὴν αἰτῆσαι ὅ τι βούλεται οἱ γενέσθαι; дальше — πάντα γὰρ τεύξεσθαι αἰτήσασαν (IX, 109) — «ибо, потребовав, она получит все». Исполнение требования или желания, естественно, наступит после того, как будет выражено желание. Оно явится результатом, а отнюдь не причиной требования. Частица γάρ вводит обоснование, но в качестве этого последнего выступает не нечто, уже имеющееся налицо, а какая-то перспектива, заверение, обещание.

Текст Геродота допускает, а вернее требует еще большего приближения к стихам Феогнида. Новелла в устной передаче любит прямую речь. В прямой речи Ксеркса к Артаинте должна была быть форма императива (как в первых двух стихах у Феогнида) — αἰτῆσον ὅ τι βούλεται etc., а вместо инфинитива τεύξεσθαι был indicativus futuri — τεύξεαι. Нельзя отрицать сходства между грамматической структурой предложения у мегарского поэта и у галикарнасского историка.

Было высказано некоторое недоумение по поводу наречия οὐκέτι (οὐ ... ἔθ') у Феогнида²⁴. Почему поэт не сказал просто οὐ? Предлагаемая интерпретация, думается, устраняет это недоумение. Οὐκέτι при будущем времени бесспорно означает «уже не», «уже больше не», «впредь не». В «Одиссее» неузнанный Одиссей, убив самого видного из пирующих в его доме женихов — Антиноя, слышит угрозу: οὐκέτ' ἐέθλων ἄλλων ἀντιάσεις (Odys., XXII, 27 сл.) «ты больше не будешь совершать другие подвиги». Смысл гомеровских слов ясен: впредь не будет того, что было сделано (или бывало). Аналогичным образом можно интерпретировать и слова Феогнида: до сих пор мегарский народ не терпел над собой господина (или господ), он был одним из самых вольнолюбивых народов; если же обращаться с ним так, как того хочется поэту-аристократу, на свете уже не окажется народа, который в такой степени (ᾠδῃ) будет предан своим притеснителям. Ироническое звучание стихов обусловлено не употреблением слова φιλοδέσποτος (которое взято в своем обычном смысле), а злорадной насмешкой, пропитывающей все четверостишие.

В своем четверостишии Феогнид высказывает мысли, резко расходящиеся с мнением Солона (№ 5, 7—10), который говорит, что народ пойдет скорее за вождями в том случае, если его не будут ни слишком распускать, ни подвергать насилию. В стихотворениях Солона и Феогнида отражаются две точки зрения, по-видимому боровшиеся между собой в социальных верхах афинского и мегарского общества. Солон, живший раньше Феогнида, мог столкнуться с мнением, близким к тому, какое впоследствии высказал мегарский поэт. Резкий, раздраженный тон Феогнида станет понятен, если представить себе, что совет его обращен к тому общественному кругу, к которому он по своему рождению принадлежит, но из которого он фактически исключен ввиду обстоятельств своей жизни (бедность); поэт в состоянии озлобления выкрикивает свое credo, к которому не прислушиваются его бывшие сотоварищи, давно под влиянием требований реальной жизни порвавшие с привычными для Феогнида воззрениями.

Немало горестных мыслей высказал обедневший Феогнид по поводу положения бедняка. Очень часто мы можем соотнести эти мысли с его собственными обстоятельствами. Бедность удручает доброго в большей

²⁴ Van Groningen, Théognis..., ad loc., стр. 323.

степени, чем седая старость и лихорадка (173—174). Бедность — величайшее зло, убегая от которого нужно броситься в море или с высоких скал (175—176; ср. 179—180; 181—182). Конечно, от себя, а не от лица кого-то неизвестного человека поэт обращается к бедности, спрашивая ее, почему она остается при нем, а не уходит к другому (351—354). Печальна участь бедняка. Он не посещает городской площади и судов; везде он ущемлен, везде вызывает насмешки (267—270; ср. 385—392, 619—620 = 1114а — 1114б, 621—622, 929—930). Бедность налегает на плечи поэта и учит его многому дурному, хотя он и знает то, что честно (649—652). Горькие упреки делаются Зевсу за то, что он позволяет человеку несправедливому и наглому пресыщаться богатством, бесчинствовать, а справедливому, не совершающему никаких беззаконий, жить под бременем тяжелой бедности (743—752). Плодом грустных размышлений, навеянных бедностью, является стихотворение на тему о том, что не следует ставить человеку в укор его бедность; ведь Зевс наклоняет весы то в одну, то в другую сторону — то быть богатым, то ничего не иметь (155—158; ср. 165—166, 557—560, 659—666, 1115—1116).

Власть богатства дает себя знать. Среди пожеланий поэта есть и пожелание усладить свой дух молодостью и богатством (1121—1122). Если в одном двустишии Феогнид мечтает о богатстве и спокойной жизни без забот, вдали от бед (1153—1154), а в другом заявляет о своем равнодушии к богатству и готовности жить на небольшие средства, лишь бы не испытывать никаких бедствий (1155—1156), то это противоречие легко объяснимо переменой настроения. Существенно то, что в обоих случаях мы слышим речь человека, не владеющего богатствами. Надо думать, поэт и его единомышленники, стоявшие на тех же крайне архаических консервативных позициях, находились в положении безнадежной изоляции. К ним должен был относиться неприязненно и подлинный демос, который они презирали, и богачи, вышедшие из непривилегированной части населения, и сблизившиеся с последними и примирившиеся с веяниями времени аристократы.

Поэта раздражают богачи, которых в силу их богатства считают «добрыми», «честными» (1115—1116; ср. 1109—1110). Для него все *καλοί* сливаются в общую массу. Он возмущен тем, что жившие ранее вне города, подобно оленям, и покрывавшиеся козьими шкурами теперь считаются *ἀγαθοί* (53—57)²⁵ (вопрос об интерпункции в ст. 57 оставляем в стороне, так как основной смысл стиха при любой расстановке знаков препинания остается неизменным). Учитывая субъективность, характерную для высказываний поэта, мы, может быть, не слишком погрешим против истины, если поймем «козьи шкуры» не в буквальном смысле: если аттический поселенин во второй половине VI в. (а возможно, и позднее) носил катонаку (Aristoph., *Lys.* 1151—1156), одежду, обшитую снизу овечьей шерстью, то почему бы мегарскому поселенину того же времени не носить аналогичную одежду, частью которой была козья шерсть? Те, кто возвысился благодаря богатству и в реальной жизни приобрел ранг «добрых», с соответствующим лоском бытовых условий, конечно, были далеки от козьих шкур и оленьего образа жизни, но для Феогнида те и другие — одинаково *καλοί*. Получившее гражданские права сельское население²⁶ никто не причислял к *ἀγαθοί*, но богачи незнатного происхождения уже начали претендовать на такое наименование. Поэт, не желая видеть раз-

²⁵ Конечно, это слово употреблено поэтом в ироническом смысле — см. В о w г а, ук. соч., стр. 149.

²⁶ Предположение о получении сельским населением гражданских прав — см. В о w г а, ук. соч., стр. 146; С а u e r, ук. соч., стр. 31 сл.

ницу между ними, сваливает их всех в одну кучу и соединяет нищенский быт одних с претензиями других на благородство.

На этом и предшествующем ему стихотворении нам следует остановить свое внимание. Что мешает нам увидеть в стихотворениях 39—52 и 53—67 отражение одной и той же ситуации? Заметим, прежде всего, что в обоих стихотворениях граждане названы ἄστοι οἶδε (41, 61); что в первом стихотворении граждане названы σαόφρονες (а не ἀγαθοί, ἐσθλοί; ср. ст. 682, где за κακοί признается возможность быть σοφοί); что λαοὶ ἄλλοι во втором стихотворении (53) необязательно понимать в смысле противопоставления тому, что было совсем недавно; что, наконец, слова ἔτι (ἔθ') σαόφρονες не свидетельствуют о большой уверенности поэта в прочности того свойства граждан, которое он с похвалой отмечает.

Разберем первое стихотворение. Опасение, что политическая ситуация поведет к установлению власти тирана, который положит конец («выправит») «нашему своеволию» (39—40). Причина — не в гражданах, которые пока еще сохраняют благоразумие, а в вождях, склоняющихся ко всяческой «порочности» (41—42). Добрые не погубили еще ни одного государства; государство гибнет, когда дурным угодно своевольничать — они портят народ, отдают правосудие в руки несправедливых ради собственной корысти и власти (43—46). Остановимся пока на этом. Являются ли, по мнению Феогнида, вожди «добрыми» или «дурными»? Они, говорит он, склоняются к дурному, порочному. В чем это сказывается? Стихи, в которых дается картина гибели государства, формулируются обще, как результат общих наблюдений. Однако связь мыслей заставляет видеть в них пояснение той κακοτης, которая приписывается вождям. Они, радея о своих выгодах и о сохранении за собой власти, «портят народ» и отдают суды в руки «несправедливых», которые, так следует понимать поэта, до тех пор судебной власти не имели. Запомним эти слова поэта, чтобы воспользоваться ими при разборе второго стихотворения. Дальше — «не надейся, что это (такое) государство долго будет незбылемым, хотя теперь оно и пребывает в полном спокойствии» (47—48). Констатируется факт спокойного состояния в государстве; констатация эта, правда, сопровождается угрозой, что так будет недолго. Окончание предложения содержит повторение высказанной выше мысли — «когда дурным мужам становится милым это, — а именно выгоды, приходящие с бедствием для народа» (49—50). Завершается стихотворение предостережением — отсюда происходят раздоры, убийства среди единоплеменных, монархи (51—52) — и желанием, чтобы все это не стало удобным этому государству (52).

Перейдем ко второму стихотворению. Прежде всего поставим два вопроса: что нового в смысле реальной обстановки отражается во втором стихотворении, чего не было в первом? Какие из опасений, выраженных в первом стихотворении, стали реальностью во время создания второго стихотворения? Поэт сокрушается о том, что произошло изменение в составе граждан: те, кто жил вне города, не знал ни судов, ни законов и вел звериный образ жизни, стали «добрыми» (благородными) (53—57). В предыдущем стихотворении речь шла, как мы помним, о порче народа и передаче судов в руки «несправедливых». Здесь, во втором стихотворении, показано, в чем состояла порча народа и кто эти «несправедливые». Включение в число граждан народа, полноправного населения тех, кто раньше был бесправен, — это и есть порча народа. Люди, раньше не знавшие законов и судов, теперь их знают, т. е., очевидно, как-то причастны к ним, получили доступ к исполнению судебных обязанностей — это и есть передача судов в руки «несправедливых».

Нельзя не видеть теснейшей связи между обоими стихотворениями, дополняющими одно другое. Разница в том, что в первом стихотворении

поэт обвиняет вождей, приписывая им все беды, а во втором (при том же в сущности положении) он обращает свои взоры на граждан, в длительность благоразумия которых он и раньше не очень твердо верил. Наименование новых граждан «добрыми», а прежних, «честных», «подлыми» является, конечно, проницей: «теперь они, видите ли, благородные, а мы подлые» (57—58). Дальше — неприглядное изображение внутреннего состояния государства, в котором граждане обманывают друг друга, насмеваются друг над другом и т. д. (59—68). Последний стих — *ὅπως ἄνδρες μὴ κέτι σφζόμενοι* — является параллелью к заключительным стихам первого стихотворения. Однако вместо конкретной мрачной картины первого стихотворения (распри, убийства, тирания) мы видим здесь неопределенную безрадостную перспективу — их уже нельзя спасти.

Ответы на поставленные выше вопросы будут, с нашей точки зрения, такими: ничего нового в самой социально-политической обстановке второе стихотворение по сравнению с первым не приносит (меняется только направление внимания поэта); угрозы, содержащиеся в первом стихотворении, так и остались угрозами и заменены во втором стихотворении расплывчатым пророчеством.

Феогнид принадлежал к тому меньшинству знати, которое, стоя в оппозиции к совершившимся переменам, продолжало если не борьбу, то агитацию против уже установившихся порядков и сложившихся и продолжавших складываться социальных отношений. При такой ситуации репрессия в виде изгнания и конфискации имущества, посещение разных стран, встречи с друзьями в изгнании, участие в войнах вне родины не представляют собой чего-либо необычного. Прямолинейные поборники невозвратимой старины, находившиеся в непрерывном конфликте с окружением, должны были рано или поздно навлечь на себя кару в виде изгнания и лишения имущества. При этом, в сущности, можно с большим правом говорить об арьергардных (политических) боях закоренелых аристократов с уже ранее одержавшими победу демократами, чем о решительном сражении между демократами и аристократами.

Большое стихотворение, которым нам предстоит заняться (667—682), дает представление о тяжелом положении, в каком оказался, по-видимому, по возвращении из изгнания обедневший поэт. Обреченный на молчание в компании людей своего круга (о чем речь была у нас выше), он в ярких красках изображает состояние государства, которому грозит гибель. Начнем с адресатов стихотворения: «Пусть это будет у меня скрыто в форме загадки для добрых; мог бы понять и кто-нибудь дурной, если бы он оказался мудрым» — *ταῦτά μοι ἤνιχθω κερκόμενα τοῖς ἀγαθοῖσιν γινώσκου δ' ἂν τις κακός, ἦν σοφός ἦ* (681—682). Стихотворение обращено в первую очередь к *ἀγαθοί*, которые когда-то выслушивали Феогнида, а теперь стали глухи к его речам. В представлении Феогнида эти люди, разгадав иносказание, могли бы оказать влияние на государственные дела в смысле изменения к лучшему. Призыв поэта (по существу это именно призыв, хотя и лишенный определенности) обращен к тем *ἀγαθοί*, которые не утратили политического веса. Рядом с ними названы *κακοί*, но с большим ограничением — те из них, кто наделен способностью понимания. Ждет ли поэт и от них каких-либо спасительных действий — не вполне ясно, но скорее всего ждет, иначе упоминание о них лишается всякого смысла. В таком случае этими *κακοί* скорее всего были лица того круга, который примыкал к *ἀγαθοί* в силу родственных и дружеских связей, ранее вызывавших негодование поэта.

Государство уподобляется кораблю, которому грозит гибель. «Мы носимся, спустив белые паруса, в темную ночь вдали от Мелийского мо-

ря²⁷. Они (т. е. некие злонамеренные люди) не хотят вычерпывать воду, море переливается через оба борта». Отдельные детали этого образа нет возможности отождествлять с отдельными сторонами государственного бытия. Гибнущий корабль — этот образ в целом символизирует гибнущее государство. Что именно означают паруса, вода, переливание через борты, плавание вдали от Мелийского моря — такие вопросы неуместны. «Трудно кому-нибудь спастись²⁸, — продолжает поэт, — они же действуют; честно (ἐσθλόν) кормчего, который умело держал стражу, они отстранили». Здесь читатель (слушатель) настораживается: то, что происходит на корабле, явно намекает на события в государстве. Лишен власти кормчий — это было в прошлом — κυβερνήτην... ἐπαύσαν ἐσθλόν (675—676). Последнее слово часто применяется Феогнидом в качестве социального термина. Кормчий — это аристократия, отстраненная от власти. В дальнейшем идут конкретные подробности, одинаково понятные и в плане иносказательном (государство), и в плане прямом (корабль). Χρήματα δ' ἀρπάζουσι βίη — «они (т. е. те же люди, которые имеются в виду и выше) грабят, применяя насилие». То, что они грабят, названо *χρήματα*. Применительно к кораблю можно думать и о деньгах и о вещах²⁹, т. е. о грузе. Одно место из Демосфена с несомненностью доказывает нам, что груз на корабле назывался *χρήματα*. В речи «Против возражений Лакрита»³⁰ оратор опровергает ссылки своего противника на кораблекрушение на пути из Пантикапея в Феодосию и на гибель имевшихся на корабле товаров — *Χρήματα* — засоленной рыбы, косского вина и др. — τάρτερος τε καὶ οἶνον Κῶρον καὶ ἄλλα ἅπτα (XXXV, 31). В проксемических декретах освобождение от пошлины на товары именуется ἀπέλευα πάντων χρημάτων (IOSPE, II, № 1, 4—5, = CIRB, № 1, 4—5; IOSPE, I², № 20, 7—8; № 21, 7—9; № 23, 1—3; «Надписи Ольвии», № 5, 9—10; № 6, 8—9; № 7, 7—8 и др.). В плане государственном поэт намекает на конфискации, от которых пострадал он сам и о которых он говорит в другом месте (345—347). Благораспорядок исчез — κόσμος δ' ἀποκόλεν на корабле и в государстве — хочет сказать поэт. Следующий стих — *δασμός δ' οὐδέτ' ἴσος γίνεταί ἐς τὸ μέσον* (678) — не получил единого общепризнанного толкования. Некоторые³¹ понимают здесь слово *δαμός* в смысле «распределение», «раздача». Такой смысл имеет это слово у Гомера: Ахилл недоволен тем, что Агамемнону идет огромная часть добычи при дележе — ἦν ποτε δασμός ἴκηται (II, I, 166; cf. Нумп. Ном. ad Cer. 86; Hesiod., Theog. 425). У Феогнида в таком случае имелось бы в виду равное распределение, прекращение равного распределения пресной воды и других припасов во время плавания. Политический смысл тех же слов, согласно этому толкованию, заключался бы в том, что нет больше равного, т. е. справедливого, подходящего распределения прав, преимуществ, собственности. Натянутость последнего толкования очевидна: ведь *ἴσος* все-таки значит «равный», этим словом обозначали демократы тот «равный» надел, который причитался бы каждому в результате γῆς ἀναδάσμός (вспомним *ἰσομορία* в стихах Солона, отвергающего равные земельные наделы — № 23, 21). Если слово *δαμός* в смысле «рас-

²⁷ Мелийское море, нигде более не упоминаемое, представляло собой, по-видимому, сравнительно спокойный участок Эгейского моря к югу и юго-западу от о-ва Пароса; дальше — воды опасного Критского моря — см. С. М. В о w r a, Greek Lyric Poetry, Oxf., 1936, стр. 383 сл.

²⁸ Ср. ст. 68.

²⁹ См. V a n G r o n i n g e n, Théognis..., ad loc., стр. 266.

³⁰ Соображения против авторства Демосфена — см. Fr. B l a s s, Die attische Beredsamkeit III, 1, 2 изд., Lpz, 1893, стр. 565 слл.

³¹ См. E. В u c h h o l z, Anthologie aus den Lyrikern der Griechen, I⁵, Lpz, 1900, ad loc., стр. 97; V a n G r o n i n g e n, Théognis..., ad loc., стр. 266.

пределение», «раздача» еще как-то подходит для корабля, то в государственной жизни ему не так легко найти применение. Надо ли нам думать о каком-нибудь распределении какой-то добычи драгоценных металлов между гражданами, предложенной в Афинах, при архонте Никодеме (484 З г. до н. э.), а может быть издавна существовавшей (см. Herod., VII, 144³²; Arist., Athen. Pol. 22,7³³; Plut., Vita Them. 4: ἕδος ἐχόντων Ἀθηναίων διανεύματα). Для такого предположения нет никаких оснований: Мегары не имели рудников³⁴. Разного рода подати, взносы в государственную казну обычно назывались τέλος, φόρος, но в самом общем смысле употреблялось и слово δασμός, которое обозначало дань и вообще всякий взнос кого-либо в пользу другого³⁵. Если мы допустим у Феогида такое значение этого слова, то оно едва ли окажется совместимым со словом ἴσος в смысле «равный для всех». К этому прилагательному применимы будут два значения: либо ἴσος τῷ προτέρῳ, т. е. равный прежнему, ср. στρατῶν ἴσον καὶ παραπλήσιον τῷ προτέρῳ (Thuc., VII, 42,2); либо «установленный», «обычный», ср. схолии к тексту Фукидида — τῆς ἴσης φρουρῆς καταθεύσσης τε τῆν χώραν (Thuc., VII, 27,4). Объяснение схолиаста: ἴσος обозначает здесь τεταγμένος³⁶. В свете этого объяснения место Фукидида должно переводиться так: «вследствие того, что установленный гарнизон совершал набеги на страну» (имеется в виду спартанский гарнизон в Декелее, опустошавший Аттику). Есть, следовательно, возможность понимать ἴσος у Феогида как установленную, обычную подать (от какого бы то ни было уточнения приходится воздержаться). В таком случае реальный смысл слов ἐς τὸ μέσον сводился бы к тому, что взносы не поступают в общественную казну. Таким образом, у греческого читателя (слушателя) стихов Феогида могли возникать более или менее определенные ассоциации в обоих планах (корабль и государство). Не сразу поддаются вполне приемлемому истолкованию слова φορτηγοὶ δ' ἄρχουσι. Не подлежит сомнению, что в сознании поэта власть φορτηγοὶ является следствием устранения прежнего кормчего. Но кто эти φορτηγοὶ? В историческое время значение этого слова подверглось дифференциации. Оно обозначало и тех, кто непосредственно носил на себе тяжести, грузы, т. е. грузчиков, носильщиков, и тех, кто возил свои товары на продажу, т. е. владельцев грузов, торговцев. Едва ли прав комментатор³⁷, желающий видеть в φορτηγοὶ Феогида мелких торговцев, которые собственно вручную погружают свой товар на корабль. Ведь трудно представить себе, чтобы такой торговец предпринимал опасные морские путешествия, рискуя жизнью ради небольшого барыша. Отпадает — в плане корабля — и мысль о грузчиках. Последние, надо думать, не перевозились на кораблях вместе с товаром, а жили и работали в портовых городах. Известно, что в римское время в портах существовали особые коллегии грузчиков, занимавшиеся погрузкой и разгрузкой³⁸. Φορτηγοὶ, скорее всего, вла-

³² См. Stein ad loc.

³³ См. Sandys ad loc.

³⁴ Ernst Meyer, RE, s. v. Megara, Bd. XV (1932), стб. 172: Mineralschätze waren nicht vorhanden: Isostr., VIII, 117: Μεγαρεῖς ... τῆν μὲν οὐκ ἔχοντες οὐδὲ λιμένας οὐδ' ἄρχουσι, Λετράς δὲ γεωργοῦντες.

³⁵ См. Passow, s. v.

³⁶ Переводы этого слова у Фукидида: «соответствующий гарнизон» С. А. Жебелев; la garnison ordinaire (Betant); die ständige Besatzung (Braun); adequate (Liddell a. Scott).

³⁷ Van Groningen, Théognis..., ad loc., стр. 266 сл.

³⁸ Автор статьи выражает признательность Марии Ефимовне Сергеевко, от которой он узнал о существовании таких коллегий. См. J. P. Waltzing, Étude historique sur les corporations professionnelles chez les Romains IV, Louvain, 1900, стр. 41. № 129 (saccarii-bauii известны в Риме и в Остии).

дельцы грузов, торговцы, те, кто в скором времени будет называться *ἔμποροι*, получать в проксенических декретах право беспошлинного сбыта своих товаров и беспрепятственного въезда в чужие гавани и выезда из них в мирное и военное время. Их имел в виду создатель Одиссеи, когда вкладывал в уста феакийца Эвриала речь, обращенную к Одиссею, которого тот не считает способным принять участие в состязании: «(я уподоблю тебя не мужу, способному к состязаниям), а такому, который, часто плывя вместе с уставленным многими скамьями (для гребцов) кораблем как начальник мореплавателей, занимающихся (торговыми) делами, путешествует, заботясь о грузе, и высматривает товары и быстро получаемую выгоду» (*Odys.*, VIII, 160—165).

В аристократическом феакийском обществе взгляд на бороздящих море торговцев, думающих только о барышах, ничем не отличается от взглядов Феогида. Разница лишь в том, что для Эвриала и его окружения объект их презрения не представлял никакой опасности, а для Феогида это был торжествующий противник. Феогид мог умышленно употребить слово *φορτηγοί*, в котором смешивались вместе грузовладельцы и грузчики. Одни владели товарами, другие занимались погрузкой, но поэт со своих ультраконсервативных позиций не желает проводить между ними различия³⁹. Фактически в государстве на переднем плане были богачи, перед которыми склонилась аристократия, часто искавшая сближения и сближившаяся с ними.

Почти в конце своей мнимой загадки поэт в сущности дает ее полную разгадку: *κακοί δ' ἀγαθῶν καθύπερθευ* (679) «дурные превыше добрых». В этих словах — основная мысль стихотворения. Пусть после этого поэт возвращается к аллегории — к опасениям, как бы волна не поглотила корабль (680), загадка уже раскрыта, аллегория уже разрушена. В самом деле, кто такие в плане корабля *ἀγαθοί*, *κακοί*? Кормчий назван *ἐπιλόχ* (676) — словом, которое у Феогида является синонимом к *ἀγαθός* (см., например, 57, 71, 186, 189, 234, 441, 563, 570 и др.). Кормчий мог бы, следовательно, входить в число *ἀγαθοί*, находившихся на корабле. Другими могли бы быть люди, принадлежавшие к командному составу, корабельное начальство. Последнее известно нам хотя бы по Псевдоксенофонтской Афинской Политии. Говоря о тех, кто *ἐλαύνουσι τὰς ναῦς* (I, 2), автор трактата наряду с кормчими — *κυβερνήται*, называет *κελευσταί* — начальников гребцов, *πεντηκόνταρχοί* — начальников над 50 гребцами, *πρωρῆται* — помощников кормчего (подштурманы). Как характеризует их олигархически настроенный автор? В его представлении афинские граждане делятся на *πονηροί* и *χρηστοί* (I,1) — категории, в каком-то плане соответствующие солоновским и феогидовским *κακοί* и *ἀγαθοί*. Люди из народа для него «дурные» — *πονηροί* (I, 2). Все перечисленные автором виды корабельного начальства, начиная с кормчего, принадлежат к демосу, к «дурным». Это явствует из слов: *ὁ δῆμος ἐστὶν ὁ ἐλαύνων τὰς ναῦς* (I, 2). В плане корабля различие между *ἀγαθοί* и *κακοί*, столь важное в плане государства, ничем у Феогида не оправдано; этим различием не покрывается противопоставление *κυβερνήτης* и *φορτηγοί*. То, что должно было быть прикрыто иносказанием, не только ясно просвечивает сквозь аллегорию, но даже прямо аннулирует ее.

Подведем итоги. Безраздельная власть аристократии — в прошлом (кормчий отстранен). Дурные стали выше добрых. Феогид недоволен. Конкретные причины его недовольства: конфискация имущества, воз-

³⁹ Так и Кауер (C a u e r, *Parteien...*, стр. 27 сл.), с той лишь разницей, что он приписывает такой взгляд аристократам вообще, тогда как в стихотворениях Феогида с достаточной ясностью отразился далеко зашедший и приводящий поэта в отчаяние процесс смешения аристократии с разбогатевшей верхушкой перодовитых людей.

можно, какие-то изменения во взносах в пользу государства. Ἀγαθοί и κακοί должны понять, что государство гибнет, спасись едва ли кому-либо удастся.

Так представляется дело аристократу, фактически лишившемуся своего социального ранга, тогда как многие другие знатные лица продолжали его сохранять, видимо, приняв новый порядок вещей. Предостережение поэта было таким же криком его души, каким было и его опасение, что государство попадет под власть тирана (39—40). Ни того, ни другого не случилось. Мало того, сам поэт признает, что государство находится сейчас в полном спокойствии (48); предрекаемые в стихотворении беды не наступили. Стихи остаются свидетельствами настроения той небольшой части аристократического мегарского общества, которая упорствовала в непризнании совершившихся фактов.

THEOGNIS OF MEGARA

by A. I. Dovatur

The author stands on the unitarian position; that is, he accepts the view of those philologists who regard the whole of the Theognidea as the work of one poet, Theognis of Nisaeon Megara (though the present study is based only on that part of the collection which is generally acknowledged to be genuine); and places the poet's lifetime at the end of the sixth and beginning of the fifth century B. C. The social realities of that time find extremely biased reflection in the poetry of Theognis, one cannot take his testimony as documentary proof. He sees society divided between the «good» (the high-born) and the «bad» (the low-born, the common people). In truth, as his own verses reveal, this line had been rubbed out by the course of history and replaced by another, dividing society into rich and poor. Those whom the poet calls «his kind» are in fact turning away from impoverished aristocracy and accepting as *their* kind rich scions of the people, with whom they are united now by marriage and kinship ties, community of interests and the intercourse of daily life. Theognis protests the establishment of what is long since established social fact. He stubbornly persists in pouring scorn on one and all who have not sprung from aristocracy: for him they are still one lot, the «bad» (or like epithets). The struggle against prevailing attitudes and ways, waged by Theognis and his few partisans in the name of obsolete ideals, could have but one ending, utter defeat.
